

Ирина
БОЧАРОВА

ОНА,
или Код ошибки
ФОРТУНЫ

Ирина Бочарова

Она, или код ошибки Фортуны

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бочарова И. В.

Она, или код ошибки Фортуны / И. В. Бочарова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Случайная встреча в метро с не по погоде одетой женщиной изменила жизнь нескольких пассажиров вагона навсегда. Что привело их в этот вагон? Чья невидимая рука направляет их действия?

Памяти моих родителей

0001

01010111001010000111011011000001010000
11000010100111110100011010110000101001
11011010001вагон00001100001011100001110
01000010100001010000101000010101100011
111утро10100930010100000111101110001010
010101110010100001110110110000010100001
010101110010100001110110110000010100001
110110100010100101000011сентябрь010101
10101010101002610001010010101010010101
010011101101100000101000010101110010100
0101110010100001111метро000011101000010
010100100001111001010000111011011000001

Пролог

Она зашла в вагон, и сразу наступила неуютная тишина.

Кто был одет не по погоде, это ещё вопрос.

Голые загорелые ноги, длинные, лощеные, с аккуратными пальчиками в алом лаке; открытые шлёпки на невысоком каблучке – в таких ходят по тёплым морским набережным в поисках ночных приключений, а не по московскому метро. Светлая юбка едва прикрывала середину узкого колена. Серая прозрачная блузка в чуть заметный мелкий рисунок с глубоким декольте и маленькими рукавчиками обтягивала небольшую грудь.

Строчка тату на тонкой высокой шее уводила вниз к лопаткам-крыльям.

Выгоревшие волосы были подняты в небрежную по замыслу прическу, из которой освободилось несколько волнистых светлых прядей.

Она держала средних размеров лакированную сумку, в которую легко могла поместиться и папка с бумагами – единственная деталь, наводящая на мысль об офисе.

Лицо её было немолодое, ухоженное, с мелкими, аккуратно подкрашенными чертами.

Двери захлопнулись и запах дорогих духов тут же вытеснил остатки воздуха из последнего отсека, наполнив его пряным, летним ароматом.

Стало неловко за себя: натянули плащи-куртки, поддались календарю, а всего-то – конец сентября! Это же не повод для хмурой, осенней одежды, не правда ли?

Анна увидела красотку ещё из окна вагона притормаживающей электрички.

Нет, Анна увидела её не сразу. Сначала бросилась в глаза плешь в толпе на платформе. Высокую блондинку Анна заметила позже: та одиноко стояла в своде арки и никто не решался нарушить её затянувшееся лето.

А потом она вошла в вагон.

И наступила тишина.

«Как же так?.. – подумала Анна, – как же так... Этой выгоревшей блондинке, перепутавшей сезоны, далеко за сорок. А ей, Анне, всего-то двадцать восемь. Но никогда, ни-когда Анна не будет такой манкой, такой привлекательной. Никогда на неё не будут слетаться и немать рядом...»

Анна с тоской посмотрела на притихших попутчиков, покачивающихся подневольно в такт вагонной тряске, на их не проснувшиеся, утренние лица, скосила глаза на блондинку и сдержанно, скупо вздохнула. Как же так получается, что её, Аннин, возраст – всегда не тот?

Откуда это постоянное, гнетущее чувство, что ничего уже не будет, ни-че-го... даром что ничего и не было... только мучительная, горькая, несчастливая любовь...

Как же так получается, что в шестнадцать ты светишься вся в предвкушении жизни, а в двадцать восемь – понуро следишь за фантомной точкой в бегущем мимо тоннеле, избегая встретиться взглядом со своим оконным отражением?..

Всё прошло мимо, мимо... и уже не будет.

Как сказала мама в один из своих шумных, коротких налётов: ты, не расцветая, вянешь на глазах. Соглашаться не хотелось (Анна боднула головой), но здесь, редкий случай, мама, увы, права. Анна про себя это знала.

Ну не будет же она, в самом деле, красить ярким лаком ногти на ногах, надевать шлёпки с меховыми пампушками, словно это не московская подземка, а будуар спальни! Ноги красивые, спору нет, но голые!.. когда на дворе унылый, унылый сентябрь... А эта короткая юбка с прозрачной блузкой в обтяжку... Слишком откровенно, слишком призывно!..

Бабушка, пожалуй, одобрила бы, да-а... Она любит смелых женщин. Любит сама одеваться ярко, дерзко, без оглядки на возраст. И Анне постоянно, по-сто-ян-но об этом говорит.

Ох, бабушка...

Нет, для неё, Анны, это просто непозволительно!.. К чему привлекать к себе внимание! Она, Анна, давно покрылась бы липким, предательским потом.

Быть в центре чужого интереса – нет, это не для неё.

Анна опять коротко боднула головой.

Грузная женщина неопределяемого возраста, сидящая неподалеку от Анны, вдруг засуетилась. Ещё минуту назад она бесцеремонно осматривала дам мелкими глазками-щёлками. А теперь её тяжелая голова по-хозяйски покоилась на плече соседа, пухлая рука была протиснута под его острый, такой неудобный локоть, глазки-щёлки спешно прикрыты. Нечаянно ошарашенный сосед, оторвавшись от бесплатной, спасительной газеты, обвел пассажиров смиренным взглядом, нашёл причину, усмехнулся и опять уткнулся в газету.

Высокий молодой человек, стоявший рядом с жаркой красоткой ближе всех, решил, что день, несмотря на пробки, брошенную машину и вынужденное посещение давно избегаемого метро, начался удачно.

Совсем молоденькая девушка с иссиня чёрными волосами, одетая, как и подобает воюющим со всем миром подросткам, во всё черное, зло посмотрела на вошедшую и состроила гримаску – поджала губы и, вздёрнув хорошенький носик, демонстративно отвернулась, но, потеряв устойчивость, толкнула молодого человека. Гримаску же никто не заметил, кроме рядом стоящего худого, долговязого парня, но для него гримасы подружки были делом обычным.

... Опять утро. Опять метро. Грег, как всегда, молчит в стороне. Свет слепит глаза. Куда все едут? Кто их выгоняет из дома? Какие силы загоняют в метро? Голова пуста, гудит вместе со встречным ветром, что дует в окно над тёткой. Пялится, лезет заплывшими глазами в мою душу. Не закрыться. Ещё три остановки и ещё десять. Доехать бы. Зачем мы едем в такую рань? Кто нас выгнал на ветер осенний. Известно, кто... Ветка, вагон, время... Всё неукоснительно, всё обязательно, всё точно!.. Зачем?.. Серость и влажность. Тяжело. Вагон тормозит резко, можно упасть, но не падаю, не падаю, врезаюсь плечом в спину стоящего. Буркнул что-то на немое «прости», даже не оглянулся. Повернулся к двери, приготовился, не выходит. Рослый, светлый, спокойный. Тётка обглядела своими щёлками всех и меня. Положила круглую головушку на костлявое чужое плечо, глазки прикрыла, хорошуля. Шафран и роза прилетели и умчались... Зачем я здесь?..

Молоденькая девушка опять состроила гримаску.

В полной тишине они доехали до Тверской и красotka вышла. Половина вагона тоже вышла – то ли за ней, то ли по своим делам. Зашли новые, возбуждённые пассажиры, не переживавшие только что публичный катарсис.

Проехав до следующей остановки, вышла и Анна, оставив в вагоне взбодрившуюся жену, отвлекающую соседа-мужа вдруг возникшими проблемами.

1. Анна

Смех был слышен по всему этажу.

Офис рекламного бюро, где третий год трудилась Анна, располагался в отдельном крыле большого офисного лофта – бывшего промышленного здания. Пространство было модным, чуть показушным, насыщенным успехом и деньгами.

Милочка – офисная красotka и, по совместительству, помощник руководителя – полулежала в кресле, откинув завитую светлую головку, и залиvisto смеялась. Ну как же упоительно находиться в окружении мужчин, обожающих тебя, угощающих в обед булочкой из соседнего автомата, слушать древние анекдоты, рассказанные в третий (или четвертый?) раз, строить им глазки и ловить восхищенные взгляды.

Как жаль, что скоро про неё забывают! Как можно столько работать?! Отвернуться к своим компьютерам и вспоминают о ней, о восхитительной Милочке, только в обед или, и того хуже, вечером, когда она, славная Милочка, выключает свет на рабочем столе.

– Уже уходишь?.. Хорошего вечера!

Ни предложения подвезти до метро, а лучше – до дому, ни приглашений на ужин в маленький ресторанчик!

А ведь она, Милочка, так старается быть всегда красивой, нарядной, чтобы радовать их собой, своей красотой, своим чудесным, чудесным смехом!

Ну как же тяжело быть красивой!.. Тратишь, тратишь и деньги, и время, и силы... Ох!..

И как же легко этой дылде Аньке! – живет в своё удовольствие, не обращает внимания ни на себя, длинную флегму, ни на чудесных мужчин в офисе, ни даже на неё, прекрасную Милочку!

И никакой зависти к её, Милочкиной, красоте!

А между тем Петр, начальник и Анькин ухажер (даже странно!.. это же не может быть серьёзно!.. и чего только он в ней нашёл?!..) обращает на Милочку внимание, угощает конфетками, бывает (между прочим!) любезен не-по-на-чальствен-ному – уж она-то, Милочка, умеет разбираться в мужских знаках внимания, вы уж поверьте!

А эта дурында ни-че-го не замечает!.. И ни-ка-кой ревности... Вот что обидно!..

О, явилась! Куда ж без неё?!..

Ну и видо-о-ок! Она на себя хоть раз в зеркало смотрела? Не красится, почти сутулая, длинная – ну чисто пожарная каланча! Одевается кое-как, во всё блёклое – у них, у дизайнерОв (ха!.. то же мне!), это называется пастЕльное!.. Нашли названьице!

Подумаешь, дизайнер! Возомнила о себе бог-знает-что!.. а её, чудесную Милочку, даже не замечает!

А она, восхитительная Милочка, всегда – между прочим! – накрашена, ухожена, юбочка красная, колени острые, спинка прямая, – не то, что у этой Аньки! Грудь Милочкина всегда (!) великолепно обтянута кофточкой с декольте, а как же!

А уж в рабочих делах следить за Анькой приходится по-сто-я-янно: то файл не туда отправит, то на встречу с заказчиком забудет пойти. Правда, она, Милочка, иногда тоже бывает забывчивой, не передаёт Аньке, что заказчик просил перезвонить, когда она, Анька, освобождается. Но это же со всяким бывает! А никто и не собирался быть идеальным! Достаточно того, что она, Милочка, безусловно хороша собой!

А вчера, под самый вечер, заказчик так кричал, так кричал! – у неё, у Милочки, даже ушко заболело! Ну подумаешь, ну забыла она сказать этой противной Аньке, что он, заказчик, просил ускорить работу. Ну с кем же не случаются такие нелепости, всякое бывает, правда же?.. Плохо, что деньги за заказ бюро не получит. Но это же не Милочкина проблема! Заказчик – Анькин, вот пусть сама и разбирается с ним! А у неё, у Милочки, и своих проблем предостаточно!

Кстати, и обед скоро.

2. Анна

Анна прошла к рабочему столу и включила компьютер. Дел сегодня много, это хорошо! – можно уйти с головой в работу и обо всём забыть.

Ещё четыре дня, только четыре дня, в понедельник он уже вернётся! Это же не так долго, правда?!..

Четверг, считай, уже прошёл, сейчас одиннадцать, почти середина суток. Пятницу можно вообще не принимать в расчёт, а субботу-воскресенье она как-нибудь переживёт. С утра уйдет из дома куда глаза глядят, потом долго-долго будет выбираться из тмутаракани, приползет домой уставшей-уставшей, чтобы голова отключилась, ни о чём не думала, чтобы остались только самые простые желания – есть и спать... Может быть, выпьет бокал красного вина – просто так, для настроения.

Бабушка, конечно, будет ворчать, опять воспитывать: зачем Анна связалась с Петром, зачем не выкинет его, любимого, из головы, из сердца, не хорошо это иметь женатого любовника... Но Анна привыкла, уже почти не слышит, не отвечает, не умеет объяснить свою незаконную любовь.

Ох, бабушка...

Воскресенье пролетит быстро, как было уже много раз: Анна будет возрождаться от субботней усталости – на это уйдет утро и добрая половина дня; вечером – ванна с солями и ароматной пеной; после – залечь пораньше с книжкой, лучше детективом, чтобы увлечься чужим, придуманным миром, забыть о своём, неправильном.

А там и понедельник!

И нет Анне никакого дела до вертлявой Милочки...

Она продиралась через густые заросли облетевшего колючего кустарника. Ноги заплетались, она поминутно спотыкалась о корни. Поцарапанные руки саднили. Вот же дом, совсем недалеко – виден через просвет в голых, графичных стеблях... Как же долго до него добираться, она совершенно выбилась из сил... Вот и поляна... Но это не её дом, каким она его оставила, а жалкие, древние его развалины... Как же так? Где она бродила столько времени, что дом успел разрушиться... Кто в развалинах завел граммофон и поставил любимую пластинку её бабушки?.. Она помнит эту мелодию, не раз слышавшую – она её будит по утрам... будит... по утрам...

– Аня, Аня! Просыпайся!.. Не слышишь, что ли?.. Уже минуту звонит твой будильник, что с тобой сегодня...

– Ох, бабушка... Сон приснился... не могла очнуться...

– Сон... Не люблю я сны... Ну, доброе утро!

3. Анна

Да-да, если вас когда-нибудь бросали, то вы-то уж точно знаете, что всё происходит именно так – вдруг, всегда неожиданно.

Если только не вы бросаете...

– Я рад тебя видеть, и я по тебе скучал. Пойдем выпьем кофе и поговорим заодно, – с такими словами Петра у Анны началось понедельничное утро: с обмиранием сердца от ожидания, с мокрыми ладонями и, наверное, с остановкой дыхания, если бы она усилием воли не заставляла себя дышать по возможности ровно.

Дождалась! Дождалась! Теперь всё наладится, теперь будет как прежде! Анна будет бежать на работу, торопя себя: скорее, скорее добраться, увидеть, говорить, молчать рядом, близко от него, в одном, одном (!) пространстве. После работы она не будет спешить уходить, нет. Зачем? Пётр здесь, значит, и её жизнь здесь! Она живёт и дышит, только когда видит его, чувствует его, а там, где нет его, у неё нет и жизни. Одинокими длинными вечерами она будет медленно-медленно идти с работы, чтобы тянуть время, чтобы устать от дороги, прийти домой-поесть-принять душ-упасть в кровать-уснуть, чтобы скорее, скорее настало утро.

Вернулся! Вернулся! Вот он идет по коридору, вот она его видит через стеклянные перегородки, ещё несколько секунд и она будет смотреть в его серые глаза, улыбаться ему, знать, что он здесь, пусть и за стенкой, но здесь, рядом с ней... хотя бы до конца рабочего дня.

И она заговорит, заболтает свою совесть, сумеет её выключить, хоть ненадолго, хоть на время!.. Зачем она читала эти книжки с идеальными героями, с их всегда правильными поступками?.. – они не сделали её счастливой!.. Зачем давала себе в юности жесткие обеты – никогда-никогда!.. никогда не влюбляться в женатых, в чужих мужчин?!.. Жизнь не любит обетов...

Зачем была в себе так уверена?..

Вот он, её грешная, виноватая любовь, вот он чужой мужчина – сидит напротив, смотрит чудесными серыми, любимыми глазами внутрь её обмеревшей души.

– Я знаю, что тебе сейчас будет больно, но я принял решение: не резать хвост кошке по кусочкам, отрубить сразу. Нам надо расстаться. Осторожнее!.. он же горячий!..

Рука Анны дернулась, и кофе из чашки вылетело на свободу, окрашивая коричневыми пятнами безупречную голубизну рубашки Петра.

– Ну вот... теперь рубашку стирать... Не знаешь, кофе отстирывается?..

Как это называется в книжках?.. Комок к горлу?.. ни вздохнуть, ни выдохнуть... внутри только задавленный крик...

– Если хочешь мне что-то сказать, скажи, но смысла обсуждать я не вижу.

– ... один вопрос... Почему?

– Почему?.. Да всё банально: не хочу тебя дальше обманывать, не хочу держать при себе. Ты же как пристёгнутая к моей ноге! У тебя есть своя жизнь, вот и вспомни о ней, наконец! Я не буду разводиться, ты это прекрасно знаешь! Да, любовь есть, это не мираж, и она никуда не делась. Я тебя люблю, это правда. Но я не хочу за тебя нести ответственность, извини. Я устал.

Петр посмотрел на пятна на рубашке, на застывшую Анну, на залитый столик и коротко кивнул.

– И ещё... Один совет напоследок, вдруг пригодится... Отомри, пожалуйста!.. Эмоции! Эмоции! Живи эмоциями!.. Голова мужчины обязана быть холодной, я так считаю. Но женщина... Женщина должна быть тёплой, живой. Я смирился, чего уж... Но мне надоело вдвухать в тебя жизнь... Найди себя, полюби себя, наслаждайся собой!.. Заживи своей жизнью, наконец! Ты такая классная, но ни знать, ни верить в это не хочешь... Ну, на этом и расстанемся. Пошёл отстирывать рубашку.

Пётр поднялся из-за столика.

– ... что случилось там, в твоём отпуске? – голос Анну подвёл.

– Да ничего, собственно, не случилось. Отдохнул и решил. Прости.

Пётр отошёл от столика, но вернулся, хлопнул негромко большой ладонью по столу.

– Да, ещё одно... Ты уволена за срыв заказа, – повернулся и вышел из кафе.

Дурной сон не обманул.

Почему же она опять не поверила себе?.. Не поверила предчувствиям, верной, редко подводящей интуиции?.. Зачем уговорила себя, что сны – враньё, небылицы, думать забудь, дыши ровнее, всё будет хо-ро-шо... Нет, не будет хорошо. Будет, как она видела... Уже есть.

4. Анна

Кафе неспешно заполнялось. Пустых столиков становилось меньше, но к Анне никто не подсаживался. Посетители, отойдя от стойки, осматривали зал, выискивая знакомые лица и свободные места, быстро пробегались по её лицу и обходили стороной. Иногда пинали скомканную салфетку, слетевшую с неубранного стола.

«Надо бы её поднять, – думала Анна, – мешается». Слезы капали в чашку с остатками кофе, оставляя на лице мокрую дорожку.

За окнами больших витражных окон Москву омывал дождь, прорвавшийся из низкого неба, несколько дней висевшего над городом. Дождь начался тихо, раздумывая, и постепенно набрал силу. Ручьи уже сливались в широкие потоки с запрудами, горожане искали обходные дороги.

Салфетка так и валялась на пятнистом полу.

В отсеке, отгороженном высокой прозрачной перегородкой, шумно рассаживалась компания. Несколько мужчин в деловых костюмах и две женщины, не сходные ни возрастом, ни видом, ловили на себе быстрые, недовольные взгляды – завсегдатаи маленького кафе шум не одобряли, чужое веселье редко кого радует.

Жизнь компании крутилась вокруг млажавой стройной блондинки, в которой Анна, вяло и заторможено, но всё же узнала недавнюю попутчицу в метро.

Миниатюрная черноволосая девушка-подросток с черным боевым макияжем отчаянно пыталась играть роль крупнее второй скрипки, но сражение ею было уже проиграно.

Высокая женщина была одета в светлый узкий деловой костюм – не летний, как машинально отметила Анна, рассеянно глядя на компанию из-под полуприкрытых век. Свет слепил, шум набатом стучал в висках. Ей бы встать и уйти, но тело обмякло, не подчинялось. Анна обессиленно сидела за столиком в одиночестве, никем не потревоженная.

Маленькая спутница, одетая в рваные джинсовые шорты, вылезавшие из-под растянутого джемпера, и косуху, закинула ноги на соседний стул – к чёрту офисные церемонии! – и с пристрастием рассматривала свои ногти.

Блондинка достала из сумки-портфеля папку с бумагами, бросила быстрый взгляд на стройные ножки в плотных чёрных колготках и рыжих тяжелых ботинках своей помощницы, и, обходя каждого за столом, разложила перед ними листы. Мужчины принялись изучать документы, деловито сводя брови и время от времени обмениваясь репликами.

Высокий молодой человек лет 35-ти, проскочив было мини-переговорную, вернулся и, просунув голову в открытый проём, что-то весело сказал уткнувшейся в бумаги компании, чем вызвал растерянность блондинки и ступор у мужчин. Молоденькая брюнетка рассмеялась, вскочила, и, схватив молодого человека за рукав, стала затягивать его внутрь помещения.

Посидев ещё немного, Анна собралась с силами, подошла к стойке, безучастно постояла в очереди из трех человек и с большой чашкой крепкого кофе вернулась за столик.

Верь снам своим, неожиданностей будет меньше.

Не поверила. Снова уговорила себя, что минует, обойдет, не случится...

Знаки, знаки, кругом были знаки, но Анна не захотела их видеть, отвернулась, как девочка: закрыла глаза ладонками – и нет меня, не найдет горе, обойдет стороной.

Чего же она боялась потерять? От каких лишений отворачивалась? Работу?.. Петра?.. Бабушку?..

И без утрат-лишений несладко... Её грешная любовь – непосильная ноша, счастья ой как мало! Любить и знать, что виновата, виновата!.. Ну теперь то всё определилось. Бросил. Сердце щемит, словно зажато тисками. Больно... А чего, собственно, Анна ждала? Одиночества сейчас не больше, чем вчера, когда сердце билось птицей в ожидании встречи. Обещаний никто не давал, в любви перед алтарём никто не клялся.

Любила, да... Любит и сейчас.

Но Анна-то знает, что Пётр прав, прав. Ей 28 лет, она одинока и несчастлива.

За короткими мгновениями урывочного секса, всегда больше торопливого, спешного, чем упоительного, тянулись долгие дни, часто недели офисных будней, когда немеешь оттого, что рядом, оттого, что не смеешь дотронуться, обнять, приласкаться.

И это её жизнь?.. Жизнь молодой женщины, умной, начитанной, может быть – талантливой, с покладистым, уступчивым характером, с хорошим вкусом, наверное – не дурнушки?..

Неужели меня не за что любить?.. Неужели никому, никому я не нужна?..

А действительно, за что меня любить?.. Брожу, в свои мысли погруженная, глазами вовнутрь, вся в сомнениях, вся в себе... Надо что-то делать... Так и проживу, никем не любимая, никем не замеченная...

А ещё меня уволили, ты помнишь об этом?..

Ну что же, тем проще... Всё разом!

Ох, бабушка...

5. Анна

Когда Анна вышла на улицу, дождь уже закончился. Светило мягкое осеннее солнце. Мостовые и тротуары были усыпаны облетевшей жёлтой листвой. Горький аромат увядающей сырой прелости наполнил воздух.

На углу Анна остановилась. Как использовать внезапную свободу? Побродить по улицам или сразу ехать домой? Бодрячество неминуемо отступит, навалится паника, и окажется она, беспомощная, посреди бурлящего большого города.

Анна решила ехать домой. Сейчас-то она почти победительница, да... Но сквозняк сомнений по-змеиному уже заползал в её душу, по-хозяйски разворачивался. Могла не успеть и до дому добраться, разрыдаться на улице.

Если бы она была одна, если бы одна...

Домой, домой! Принять горячую ванну, сварить глинтвейн, утомить себя запутанным сериалом и уснуть пусть даже тяжёлым, изматывающим сном. Утром бы паника поднялась снова, без сомнений. Но здесь только время – лекарь. Только время...

Бабушке она ничего говорить не будет – с двумя паниками Анне не справиться. Но как скрыть безработицу и безденежье, если она, Анна, не найдёт работу в самое скорое время?..

Тут уже не до разрыва с Петром, тут маячит почти нищета и голод для двоих.

Домой, домой, там можно расплакаться, пореветь, – не на людях же, в самом деле. Домой...

6. Анна

Объявление было ярко-аляпистым, раскрашенным красными и зелёными маркерами – как будто кто-то упражнялся в рисовании кружочков и линеечек. Не заметить его было сложно даже Анне, рассеянно бредущей по улице. Или её подсознание выхватывало из внешнего мира нужные знаки?..

Поднявшись по светлым ступенькам на пол-этажа, Анна с трудом открыла тяжёлую деревянную дверь. Просторный зал был увешан гардинами и тюлями. Стенды с тканями стояли ровными рядами, на низких столиках лежали каталоги с образцами.

– Слушаю вас, – из-за стойки на Анну привычно-приветливо смотрела дама в очках с тонкой оправой под зебру. Дама, продолжая улыбаться, быстрым взглядом оббежала Аннину понурю фигуру.

– Я увидела объявление...

– Какое? Мы не давали никаких объявлений.

– О работе... Вам нужны дизайнеры? – Анна пыталась сосредоточиться на лице дамы, но взгляд уходил вниз, и приходилось делать усилие, чтобы поднять глаза.

– Нет, не нужны! – голос дамы из елейного, перескочив все промежуточные состояния, стал сух и жёсток. – С чего вы взяли?..

– Там внизу висит объявление...

– Это не наше! Мы не нанимаем работников с улицы! Мы фирма серьёзная, своих работников подбираем тщательно и с хорошими рекомендациями. Вас мы не взяли бы и в уборщицы. Всего хорошего! – и дама, потеряв интерес к Анне, стала перебирать бумаги на стойке-ресепшн.

Анна опять с трудом открыла тяжёлую массивную дверь, но уже с другой стороны.

– И сорвите его, это не наше! – полетело ей вслед.

7. Ёж

Он вышел за ней из вагона и следом перешёл платформу.

Поезд уже вылетал из тоннеля. У него было только несколько секунд относительной тишины, когда звуки электрички ещё не поглотили человеческий голос, когда можно сообщить спешащему, в какую сторону едет поезд, или произнести несколько ничего незначащих слов в надежде, что дама не сбежит от тебя. Глупость, но ему во что бы то ни стало, как мальчишке, хотелось привлечь её внимание. Он ощущал себя влюблённым в молодую учительницу старшекласником. Только ему было не семнадцать, да и она ни видом, ни возрастом не напоминала молодую учительницу. Скорее опытную, не боящуюся конкуренции актрису – звезд, равных ей, мало, страхи – для других!

– Вам не холодно? Вы неосмотрительно раздеты!

Она скосила глаза – ещё один! – перекинула сумочку на другую руку, мелко дернула плечом и отвернулась.

Поезд вылетел из тоннеля с пылью и шумом, и мимо них замелькали переполненные вагоны.

– Я предлагаю вам облачиться в более устойчивые к осадкам одежды! За мой счёт, разумеется.

– Отстань, красавчик! – быстрый поворот, сказала скороговоркой, скривила яркие губы. Акцент южный, мягкий. Ну точно замёрзнет!

Они вошли уже в подошедший поезд, а он так и не придумал ничего искромётного. Красивых женщин молодой человек обожал, часто заговаривал с ними о том о сём, раскланивался и двигался дальше. Но так, чтобы неметь... Это смахивало на конфуз, да и только!

Можно было наговорить любезности и комплименты, но молодой человек отмел простой и надежный в других случаях вариант, как непроходной – с этой женщиной комплиментами разговаривают, к любезностям и хвалам она имела устойчивый иммунитет, – в этом он был уверен.

Ещё он был уверен, что на встречу давным-давно опоздал. Марго опять придется справляться одной. Конечно, будут брошены колкости в его адрес, может быть, с ним даже не будут разговаривать некоторое время. Но дольше десяти минут Марго на него сердится не умеет. Проверено не раз.

Но он стремился, стремился! Машину бросил – как же ей, ласточке, одиноко сейчас на стоянке! – поехал на метро. Что же делать, когда красивые женщины разъезжают по подземке совершенно раздетыми! Это надо это запретить законодательно! Или не надо... Пусть ездят пассажирам на радость. Да, пусть ездят!

Надо, пожалуй, чаще спускаться в метро, да, чаще! Он возьмёт себе за правило – неукоснительное правило! – раз в неделю ездить на метро. Может быть, раз... ээ-э... в месяц. Да, в месяц – самый раз!.. Если такие экземпляры попадаются буквально на каждом шагу!.. Давно он здесь не был, сколько упущенных возможностей!.. Вот свезло сегодня, так свезло!

– Мадам, я готов вас согреть мехами!

– Сказала, отвяжись! Не морочь мне голову!

Не оглядываясь, она вышла из вагона – спина прямая, подбородок чуть вверх, походка легкая – и направилась к эскалатору на выход.

И как они это делают? Мне бы уже все ноги отдавили, а она идет в шлёпках на каблучках – ноги голы, пальцы беззащитны – и ни о чём не тревожится.

– Нет, правда! Мне больно думать, что столь прекрасная женщина замёрзнет в нашем осеннем, но приветливом городе, – молодой человек в раздумье потрепал нижнюю губу, провёл пальцем по щеке, проверяя уровень щетинистости, смешно шмыгнул носом, ободряя себя, и велеречиво продолжил: – Мы, москвичи, сердобольны и жалостливы, помочь замерзающему – наша миссия! – Кремень, а не женщина – столько слов в первой фазе знакомства он давно не тратил. То ли раньше дамы были сговорчивее, то ли он теряет квалификацию... Надо об этом подумать на досуге.

– Ой, я ж тебя умоляю!.. Ваша Москва яки Питер уже! На дворе сентябрь, а погода чисто дрянь! – оглянулась, но темп не замедлила.

– Как много информации в одной фразе! Готов слушать вас часами!

– Отстань!

– Нет, серьёзно! Давайте знакомиться! Так будет правильнее, я уверен! Вам же не всё равно, кто проявляет к вам опеку и сострадание? Егор Жилин, для друзей и прекрасных дам – Ёж. Не откроете имя для сражённых поклонников?

– Отстань, тебе говорю!

– Вы спешите? Давайте встретимся позже, назначайте время. Для вас я всегда свободен! Очень хочется вас согреть, а ещё лучше – накормить. Я готов!

– Я же ж тебя разорю, – она осмотрела его с макушки до ботинок. – Если ты не мажор... Но не похож вроде.

– Весь мой капитал к вашим ногам. Этого хватит?

– Да?.. – усмехнулась и осмотрела его ещё раз. – А знаешь же, уговорил, – пожалала тонкими плечами. – В шесть у «Лукоморья». А теперь отстань!

Они вышли из стеклянных дверей, и женщина, махнув голой тонкой рукой кому-то невидимому, подошла к припаркованной большой машине. Суетливый шофёр, распахнув дверцу, усадил её на заднее сиденье, и чёрный сверкающий чистотой «Мерседес» унёсся прочь.

– Ёж!

Перед ним стояла молоденькая, лет двадцати, не больше, миниатюрная девушка с иссиня чёрными волосами и пирсингом на аккуратной ноздре. Одетая она была тепло, что с одобрением отметил про себя молодой человек – хоть эту отогреть не надо! Из-под чёрной косухи была видна коротенькая юбочка-шотландка, на ногах – толстые чёрные колготки и тяжёлые рыжие солдатские ботинки.

Где-то он её уже видел...

– Мы знакомы?

– Конечно! Уже 20 минут. Грег, скажи?! – девушка обратилась к долговязому парню, стоящему в стороне и наблюдающему за ней почти равнодушно – так смотрят родители на своего любимого непутёвого ребёнка. – Ну скажи, чего молчишь?!

– Знакомы, – буркнул парень и отвернулся.

– И как же вас зовут, моя знакомка? – Ёж посмотрел на часы: девушки девушками, а на работу сегодня доехать бы надо.

– Вики!

– Прекрасное имечко, прекрасное! Но вынужден откланяться! – и Ёж повернул к дверям метро.

– Подожди!.. Я могу тебя с ней познакомить!

– С кем? – Ёж тормознул и развернулся около самой двери, так что женщина, нагруженная пакетами и питающая надежду, что симпатичный молодой человек галантно придержит дверь, врезалась в него и сумками, и мягким телом.

– С Яниной, – Вики скорчила лисью мордочку – ну что, попался?! – Ну, с той, что тебя отшила!

– А вы и с ней знакомы?

– Знакомы, знакомы, не сомневайся! Москва – деревня маленькая, я тут многих знаю.

– И кто же она такая?

– Меняю инфу на твой номер телефона.

– Пф! – фыркнул Ёж и повернул опять к дверям метро. – Старая сказка... Я и сам так умею. Хотелось бы что-нибудь новенького!

8. Ёж

Разговор получился скомканный. Марго, конечно, недовольна, что он бросил её одну на клиентов, но она справится, он в неё верит! А сейчас ему просто нужны деньги, много денег, да!.. Ну это же для тебя не проблема, правда, любимая? Я верну, я всё верну. Не спрашивай, зачем, дорогая, не порть себе настроение!

Конечно, этого он ей не сказал. Подумал, но не сказал. Зачем старой любовнице знать о будущей!..

Вот он размечтался!

Ну нет, это всё серьезно! У него всегда серьезно.

А если ничего не получится, только зря Марго расстроится, будет пилить денно и ночью! Нет, ночью не будет. Ночи не её. Ночи он проводит дома, – в этих вопросах он консерватор.

А Маша пилить не будет, потому что ничего не узнает. Никогда!

Уж это-то в его силах.

9. Дарья

Офис был почти пуст. Секретарша – молоденькая девушка с фиолетовой чёлкой на рыжих волосах – болтала по телефону, время от времени поднимая глаза на вошедшего. Но это было нечасто: за время её разговора пришли только новенькая сотрудница да Дарья. Айгишники – народ ночной, собираются ближе к полудню, одиннадцатый час для них – мучительно раннее время. Кто только придумал эти утренние работы?..

Дарья сразу прошла на кухню. Доброе утро должно начинаться с хорошего кофе, которым она себя баловала, пока офис был пуст. Потом не посидишь, не поболтаешь. После двенадцати смурные сотрудники сползаются на кухню, выпивают несколько чашек крепкого кофе (Как только сердце у них выдерживает?!.. Одно слово – молодые!), – и только затем разбредаются по рабочим местам.

Но Дарья эту компанию для себя не считала достойной. О чём с ними разговаривать, с желторотыми? Да и не понимала она ничего в их болтовне.

Её компания – приходящая уборщица, если к этому времени та, закончив работу, ещё не ушла из офиса. Но чаще Дарья заставляла её на кухне за чаем – остывающей, уставшей.

Так и сейчас – пьёт чай, откинувшись на диване. Вот и ладно, есть с кем поболтать.

А ей, Дарье, есть что рассказать! Молодой-то начальник в метро сегодня засветился, истинная правда! Дарья не сразу и сообразила, что это Жилин – на метро-то он не ездит, всё на машине своей дорожкой!

Может, случилось что с машиной, Дарья не знает, но факт есть факт – ехал в метро. Но до работы, видать, не доехал – Дарья-то уже на работе, а Егора нет. Да и вышел он не на той остановке, раньше. Может, ему и не в офис надо было, Дарья тут ничего сказать не может, но вот зашёл в вагон один, а вышел за какой-то драной белобрысой вертикашкой – Дарья это собственными глазами видела, вот как её сейчас. Уж зачем он за ней увязался, ничего Дарья сказать не может (тут она поджала губы, сделала выразительный взгляд и потрясла головой). Дарья-то поехала своей дорогой, напрямик в офис, а как же! Она потом Евгению, ну мужу-то, высказала своё мнение о Жилине, что тот увязался за раздетой, но он только отмахнулся. Конечно, раздетой, почти голой!.. Сентябрь на дворе, вон дожди пойдут того и гляди, тучи-то

на небе чернющие, а она раздета, как будто на курорте, а не в Москве вовсе! Небось, прям с турецкого пляжа и примчалась! С самолёта – и в метро! Ноги голые, а юбка короткая, просто срам, даже колен не прикрывает! Ой, подожди, своему надо звякнуть, напомнить его пустой башке, чтобы таблетку выпил, без неё-то никак, всё забывает. И без меня никак, кто ему ещё напомнит... Он и так уже со службы ушёл, из-за болезни своей этой, да я тебе рассказывала... из-за памяти провалов... А сыщик он был хороший, его даже отпускать не хотели, ценили на работе-то... Но он заартачился, чисто баран какой: не хочу подводить, большая ответственность. Как будто семья – не ответственность! Кто кормить-то нас будет? Всё на мне!.. Да я его на работу-то выгнала, всё едино. Опять сыщик, только теперь частный. Гоняется за мужьями и жёнами, когда они шалавят. Ну ничего, работа не пыльная, платят рогатые-то хорошо, да и мне удобно – рядом его офис, под боком. А с головой его мы справимся, главное – мне не забыть ему вовремя позвонить... Здравствуйте, Маргарита Тамазовна...

Марго появляется всегда неожиданно – этого Дарья никогда не любит. Хорошо, когда духи её учует, а так и не заметишь – стоит уже в дверях, смотрит своими чёрными глазами, молчит... Ну здороваётся, – это, конечно, она женщина воспитанная. Но уж больно гордячка! С Дарьей и не разговаривает никогда, только коротко распоряжается, что сегодня закупить надо в офис и какие приготовления следует сделать. Ни здоровье, ни жизнь с погодой с Дарьей никогда не обсуждает. Да Дарье-то и не больно надо, ей, вообще-то, некогда! Она женщина занятая, весь офис на ней!.. Дарья давно здесь работает, уже три года, и с обязанностями хорошо справляется, не то что эта новенькая разноцветная секретарша, которой ничего и доверять нельзя!

– Дарья, зайдите в мой кабинет, пожалуйста. Да, сейчас! Я вас жду.

10. Ёж

В шесть Ёж стоял у «Лукоморья».

Он уже изучил сумбурную мозаику бетонных плит; подтолкнул носком брошенную кем-то обёртку от чипсов ближе к урне; посмотрелся на чёрные вытянутые манекены, решив, что они далеки от его идеала; наслушался чирикания воробьёв, прыгающих под ногами; пожалел, что не запасается сухарями на такой случай, и, вспомнив, что он взрослый дядька (как-никак тридцать четыре стукнуло!), определил себе на ожидание и самообман полчаса.

Дольше пятнадцати минут Ёж обычно не ждал – не пришла эта, придёт другая, а он человек занятой, ага!

Сегодня же принципы нарушены со старта: он, конечно, бывает настойчив, но чтобы так навязываться! Он себя просто не узнаёт! Похоже, открыта новая книга в его пик-апной биографии – долгое, настойчиво преследование и продолжительное, возможно, напрасное, ожидание. Интересно, что же будет дальше?.. Увлекательнейшее, надо сказать, чтиво!

Манекены ему надоели и в сверкающих витринах молодой человек принялся рассматривать себя. На шустрых воробьёв и спешащих прохожих он уже посмотрелся.

Пожалуй, хорош, ну а что?.. Высокий, крепкий, «в теле», – да, так вернее, несомненно, – в теле! Есть ещё некий термин, который Ёж так и сяк пытался примерить к своей пылкой, подвижной натуре, но до конца так и не определился. Спортивный?.. Ой ли?.. Если он будет снисходителен к себе, то скорее да, чем нет. Но не качок, нет, не качок! Вот Пашка – да, качок. Но Ёж – нет! Слишком ленив для отработки какой мышцы. Досуг среди металлических монстров?.. Ну-у, это уж увольте! Он лучше книжку на диване почитает, – вот эту мышцу Ёж тренирует без усталости. А тело – что?.. брэнность, да и только!

Ёж провёл рукой по русым волосам, оглянулся – не подъехала ли? – и вернулся к самозерцанию в витрине. Подстригся недавно, но не коротко! – обязательное, обязательное условие. Брился точно не сегодня... Два дня?.. Три?.. Не каждый же день бриться, в самом деле!.. Или каждый?.. Да ладно, небритость ему идёт – снимает пенку излишней шеголеватости, что само по себе похвально и всячески им поддерживается. Да и Марго не раз говорила!.. Маша тоже не против его небритости, но говорит об этом редко. Больше молчит.

Цвет глаз в витрине не увидишь, но он помнит, помнит! – тёмно-серые, да, – смотрел в зеркало утром. Марго называет их зачем-то антрацитовыми, хотя он был бы не против и серого асфальта. А ещё лучше – лягушка в обмороке! Да! Жаль, оттенок не тот, – тут он, определённо, промахнулся.

Черты лица не противные, нет, не противные. Вот к носу у него претензии имеются – слишком, на его взгляд, крупный. Ну, как говорится, что выросло...

Ёж отвернулся от витрины и вновь стал рассматривать воробьёв. К ним присоединились два сизых голубя, лениво вышагивающих по плитам. Умеют ли летать эти жирные маленькие птеродактили? – вот вопрос, занимающий его с детства. Московские голуби важны, ленивы и летают редко, из-под ног не шарахаются... пока не пнёшь... Ну, это точно, не про него – к живности Ёж относился терпеливо.

Что же так зацепило его в этой раздетой не по погоде женщине?..

Красива, спору нет, но чтобы гоняться, как мальчишка?..

Раньше он гонялся, было дело, да! И было весело!.. Они с Машей частенько обсуждали на кухне его новые гонения, смеялись... Ну-у... когда ещё обсуждали... Теперь, если он и гоняется за кем, то больше виртуально, как за журавлём в небе... Ха! Старее, наверно... Или уже не веселит, как прежде... Любовь в пик-апе не водится, а случайный секс хорош в юном, дерзком возрасте, но не подходит серьёзному, женатому мужчине «в теле» с серыми глазами оттенка «антрацит». Неужели, влюбился, наконец?!.. В кого?.. В женщину с мягким южным акцентом, у которой поклонников больше, чем сейчас вокруг него воробьёв?..

Она приехала за десять минут до семи.

Ёж, вопреки намерениям, был на месте.

К огромным витринам «Лукоморья» подкатил чистейший чёрный «Мерседес».

Незнакомка вышла из припаркованной машины, одетая как утром, что, по мнению Ежа, было не по взрослому. С другой стороны из автомобиля вышла Вики, тут же опять скорчила лисью мордочку – ну что, съел?! – и «Мерседес» унёсся прочь.

– Привет, красавчик! Надо же, дождался!.. Ну, знакомься! Виктория, моя новая помощница.

Ёж коротко кивнул Вики и выжидательно посмотрел на женщину.

– Ах да!.. Янина, – она опять пожала плечами, как утром – это же очевидно!

– Очень, очень приятно! – Ёж кивнул на этот раз не коротко – галантно. – Но представлюсь ещё раз. Утром, в спешке, боюсь, вы не расслышали моё имя. Егор Жилин, для друзей – Ёж. Рад вашему приезду. – Были бы шпоры, он по-гусарски шелкнул бы пятками, но увы.

– Не ждал? – Янина усмехнулась и оглянулась на Вики.

– Ждал. Но без веры, если быть честным, – Ёж кивнул вниз и в сторону одновременно, что, скорее, напоминало бодание, чем кивок, выражающий согласие.

– Ну вот, как видишь, приехала. Благодарю Вики, пристала: поехали-поехали, ждёт! – Янина осмотрела Ежа, на этот раз начав с ботинок, оттопырила в сомнении губы, убрала светлую прядь, упавшую на лоб, и лёгкой походкой, отбивая такт каблукками, направилась к «Лукоморью». – Ну идем до твоих соболей, Рокфеллер!

11. Дневник Виктории

Нужна мне эта драная кошка!.. Я даже обалдела, как её увидела! Едешь в метро себе, пипл, шум, толкаются, на ноги наступают. Вплывает! Мэн, между прочим, за ней увязался, даже интересно стало, куда он дернулся. На меня не обернулся. Я вышла, конечно. Так стаей, клином за ней и летели, Грег замыкающим, пока из метро не вынеслась. Меня не заметила, зачем ей! У мэна съём обломался. Послала лесом гулять. Мне нра, но и здесь облом. Плевать, не время. Обойду. Отец на то. Липучка-Грег дело сказал – залезть к ней в бизнес, с ногами, потоптаться.

12. Янина

Если вы верите, что вам всегда рады, вы счастливый человек и живете в своих заблуждениях. Проверить просто: вот сидит компания мужчин, весело что-то обсуждают, смотрят на женщину, которой очень нравится, что все смотрят именно на неё, такую взрослую красавицу – высокую, тонкую, почти блондинку, – а не на эту молоденькую мамзель с чёрной кривой стрижкой, бойкую на язык и вертлявую.

И тут появляется вы, герой: улыбаетесь, обводите всех радушным взглядом, с каждым здороваетесь, желаете хорошего дня, – и с удивлением замечаете, что не все рады вас видеть. Чего там! Все не рады! Кроме девчонки с кривой стрижкой, которая прожигает вас своими зелёными глазницами. Но та, ради которой вы здесь, смотрит на вас исподлобья, губы сжала, кривит ярко накрашенный прекрасный, прекрасный рот.

– Привет всей честной компании! – Ёж стоял в проёме стеклянной перегородки, отделяющей длинный стол от шумного общего обеденного зала и, широко улыбаясь, смотрел на растерявшуюся Янину.

– Что ты здесь делаешь?

– Соскучился.

– Уходи!

– То есть как?..

– Уходи! Разворачивайся и топай к выходу!

Ёж решил было обидеться, но здраво рассудив, что отношения себя не изжили, ещё раз оглядел присутствующих и продолжил:

– А что делают здесь эти джентльмены?

– Мы здесь работаем! Это мои клиенты! – растерянность сменилась злостью – Янина смотрела исподлобья, без тени улыбки на тонком загорелом лице.

– О! Я знал! Я был уверен! Что-то мне подсказывало, что здесь я встречу не просто компанию ваших обожателей, а деловито настроенных мужчин. Клиентов! – Ёж кивнул. – Я тоже клиент. – Ёж кивнул ещё раз – для большей убедительности. – А в бизнесе клиентами не разбрасываются, знаете ли!

Единственной, кто радовался вторжению Ежа, была Вики. Унылое, по её мнению, столпотворение мужиков вокруг Янины не улучшало её сумрачное настроение – день с утра не задался, Грег устроил молчаливую взбучку. А тут Ёж! Просто подарок какой-то!

– Чем платить собираешься, клиент? Благотворительность – не наш профиль, – Янина открыла папку с намерением поставить точку в бессмысленном разговоре, но Ёж отступить не собирался.

– А, найду! – Ёж махнул рукой. – Деньги в наше время не проблема, когда друзья есть... или банки... что в принципе одно и то же, если разобраться. Присяжу с вашего разрешения.

Ёж отодвинул стул и удобно уселся, положив ногу на ногу, и принялся спокойно рассматривать присутствующих.

За столом наступила тишина, и только Вики, покачиваясь на стуле, создавала ритмичное скрипучее звуковое сопровождение.

– Продолжайте, прошу вас, – Ёж положил руки на стол и изобразил на лице участие и заинтересованность. – Потрясения в ваших душах мне непонятны, если честно. Пришёл тихо, никого не задел, даже в проём вписался с первого раза.

– Хватит! Ты умеешь говорить коротко? – Янина зло смотрела на беззаботно улыбающегося Ежа. – Ты нам мешаешь!

– Чем может помешать один деловой человек другим деловым людям? Или всё же это сходка ваших поклонников?

– Кстати, о поклонниках! – Янина посмотрела на собравшихся, притихших под натиском Ежа. – Чья это шутка была с метро?

– Каким метро? – Вики перестала раскачиваться на стуле.

– Да в день же приезда. Что за розыгрыш с Маяковской?.. Какого лешего мне надо было бросить машину, спуститься в вашу грязную подземку и вылезти на Китай-городе?.. Чья ж это хохма?

На лицах мужчин было полное непонимание. Вики же смотрела на Янину во все зелёные глазищи.

– Вот же вы зависли... Ну да ладно, проехали!.. – Янина опять зло посмотрела на Ежа. – Ты всё сказал, что хотел? Иди уже, не до тебя!

– Уделите мне две минуты с четвертью, и ваш градус человеколюбия резко подскочит, я обещаю!

– Ну, говори уже, балабол!.. От тебя не отделаешься!..

13. Ёж и Виктория

Все самые удачные переговоры происходят за чашкой чего-нибудь – Вики это точно знала. Когда она уговаривала Грега совершить очередной набег на маркет, это ей удавалось только после посещения кафе.

Поэтому сразу после неудачной (как считала Вики, но не Ёж) встречи, Вики схватила его за рукав и затянула в открытую дверь, из которой вырывался запах кофе и сдобы. Ёж не сильно сопротивлялся: время ланча надвигалось, можно было и перекусить.

– Итак, что же вам нужно от меня, милое дитя? – Они сели друг против друга за квадратный столик. Ёж ясным, тёплым взором обозрел заведение, в котором по воле случая оказался, задержался взглядом на широкой мужской спине за дальним столиком, покатав воздух за щеками – ну совсем как ребенок, обдумывающий, какое колесико взять: красное или зелёное? – и, изобразив на лице внимание, посмотрел на Вики. – Судя по искрам, вылетающим из ваших юных глаз, вы замыслили что-то грандиозное! Чай? Кофе?

– Ты молчать умеешь?

– Время от времени. Но, должен заметить, я страдаю!

– Тебя, наверное, в детстве били.

– Как вы догадались?!

– И много?

– Скажу коротко: да! Но это требует разъяснения. Не раз был бит нянькой. Мешал, видите ли, славливать слепополуденный сон, в то время, как родители мои в трудах праведных торчали в офисах. Или в пробках. Автомобильных.

– Хватит!

– Умолкаю! Я весь внимание.

– Давай свалим Янину!

– Что, простите?

– Давай создадим свою фирму и разорим Янину!

Ёж, пожалуй, впервые за время знакомства, посмотрел на Вики с интересом и даже замолчал на несколько секунд, что вызвало у Вики ложное мнение, будто он обдумывает стратегию, а заодно и тактику.

– Какая богатая идея!.. Занимаетесь рейдерством время от времени?

Ёж покрутил в руках сахарницу, поставил её на место, подвигал салфетницу туда– сюда, но и её, в конце концов, оставил в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.